

Глава 19

Линь Ле Тянь, носивший звание Девятитысячелетнего, на поверку оказался человеком крайне занятым.

Изначально Ле Тянь полагал, что ему суждено лишь наслаждаться изысканными яствами, принимать чужие услуги да передвигаться исключительно в роскошных паланкинах. Он рассчитывал в праздности влачить своё жалкое существование до тех пор, пока Чжу Чучу не подрастёт.

Однако действительность нанесла сокрушительный удар: стопки документов на его столе выросли едва ли не в несколько чи высотой.

Ле Тянь уставился на это бумажное море с абсолютно отсутствующим выражением лица.

«Разве у меня нет помощников, способных разгрести этот завал?»

[Имеются, — отозвалась Система. — Но здесь собраны дела первостепенной важности, которые ты, в силу своей подозрительности, никому другому не доверишь]

«...»

Почему Линь Ле Тянь был настолько мнительным? Он же просто умрёт от изнеможения!

Сексуальный Девятитысячелетний, проверка документов онлайн.

Хрупкое тело этого человека быстро утомлялось. Ле Тяню приходилось делать перерыв после каждой прочитанной бумаги, из-за чего скорость его работы безнадёжно уступала темпам, с которыми слуги подносили новые отчёты. Провозившись всё утро, он обнаружил, что гора документов ничуть не уменьшилась.

«Мне правда хочется умирать каждый божий день»

— Какой вообще прок быть этим вашим Девятитысячелетним, если приходится вкалывать до седьмого пота? — в сердцах возмутился Ле Тянь.

[Потому-то он и стал психопатом] — ехидно вставила Система.

В этом была своя логика. С тяжёлым вздохом юноша велел подавать обед.

Поскольку Линь Ле Тянь обладал крайне слабым здоровьем, он не мог наслаждаться

изысканными блюдами, которые готовили лучшие повара Поднебесной. Каждая его трапеза состояла исключительно из целебных, настоянных на травах кушаний.

Когда на столе одно за другим начали появляться блюда этой «лекарственной кухни», Ле Тянь едва не содрогнулся от специфического запаха. Это испытание было явно не для слабонервных.

Молодой евнух, приставленный к столу, принялся пробовать каждое блюдо на глазах у господина. Хозяин тела внимательно следил за ним, отмечая, что слуга даже бровью не повёл — значит, на вкус всё было не так уж скверно.

Дождавшись окончания проверки, Ле Тянь наугад указал на что-то белое и нежное. Он не знал названия, но на вид оно напоминало рыбу.

Однако стоило ему отправить кусочек в рот, как он мысленно разразился площадной бранью. Что это за дрянь?! Вкуса не было совсем!

Система едва не зашлась в беззвучном хохоте. Не зря она так долго выбирала этот мир — теперь подопечному приходилось молча глотать обиду, не имея возможности даже пожаловаться.

Не желая больше мучить себя, Ле Тянь отложил палочки и холодно бросил: — Уберите всё.

В этом дворце его слово было законом. Служащие ему евнухи боялись своего господина до дрожи, но не питали к нему ни капли любви или уважения. Раз он сказал «не хочу», никто и не подумал его уговаривать — слуги просто молча унесли подносы.

Юноша плотнее запахнул лисьи меха. — Снаряжайте выезд. Едем в Дунчан.

Хм, он намеревался найти что-нибудь съедобное в Восточной Ограде.

Система не знала, как на это реагировать. Дунчан был самым кровавым местом во всей империи, а Ле Тянь собрался искать там пропитание. Там скорее можно было найти гору трупов, чем приличный обед.

Восточная Ограда располагалась неподалёку от дворца, сразу за поворотом от ворот Дунаньмэнь. Юноша выбрал паланкин. Если бы кто-то спросил его о причине, он бы ответил, что его кости ломит от холода, а в конных экипажах слишком сильно сквозит — он просто замёрзнет по дороге.

Система не раз злорадно хихикала про себя, испытывая истинное удовольствие.

Дунчан, хоть и находился под властью евнухов, щеголял высокими воротами и величественной, внушительной архитектурой. Ле Тянь лениво скользнул взглядом по фасаду.

«А Линь Ле Тянь-то был человеком амбициозным»

[Возможно, из-за того, что в одном месте у него всё слишком маленькое, он пытался компенсировать это в другом] — предположила Система.

«...»

[Пха-ха-ха!]

Ле Тянь едва не задохнулся от ярости. Пусть он и не был настоящим владельцем этого тела, обитать в оболочке с рождённым мужским бессилием было крайне унижительно.

Восточная Ограда оказалась совсем не такой, какой её представлял юноша. Люди, приветствовавшие его, были широкоплечими, крепко сбитыми и сильными. Их голоса звучали гучно и мощно — никто из них не походил на скопца.

В его дворце все евнухи были манерными и женственными.

Включая его самого.

В Дунчане у Линь Ле Тяня имелся отдельный кабинет для ведения дел. Войдя внутри, Девятитысячелетний велел разжечь жаровни и выставил всех вон — это вполне соответствовало нелюдимому нраву его предшественника.

Оставшись в одиночестве, он тут же принялся шарить под столом в поисках сладостей.

Линь Ле Тянь был чрезмерно осторожен. В его дворцовых покоях не было даже намёка на тарелку с десертом — вероятно, он опасался яда. И только здесь, на территории, которую он контролировал на все сто процентов, стояли блюдо с постным печеньем и ваза с фруктами, предназначенные для перекуса во время работы.

Печенье оказалось мягким и сладким. Несмотря на отсутствие животных жиров, мастерство повара было выше всяких похвал. Ле Тянь ел так жадно, что крошки летели во все стороны; он без зазрения совести подхватывал их ладонью, а в конце просто высыпал всё скопившееся в горсть и отправил в рот.

— Жаль, что маловато, — пробормотал он, прикончив всё до последней крошки, и развалился в кресле, по-хозяйски закинув ногу на ногу.

Картина была настолько далека от эстетики, что Система в очередной раз запросила функцию блокировки визуального ряда.

Линь Ле Тянь слыл трудоголиком и вряд ли приехал бы в Восточную Ограду только ради печенья. Чтобы не разрушать образ, юноша немного передохнул и послушно взялся за изучение местных отчётов.

Но стоило ему начать чтение, как глаза его полезли на лоб.

Документы Дунчана были куда безумнее дворцовых — они представляли собой форменный винегрет из сплетен.

«Такой-то чиновник во время завтрака продекламировал стихи, в которых намекал на засилье евнухов во власти».

«Такой-то чиновник во время забав с наложницей в постели упомянул предыдущую династию, что может свидетельствовать о мятежных помыслах».

«Такой-то чиновник назвал свою собаку Ле-цзы, явно желая оскорбить Линь Ле Тяня».

Ле Тянь вскипел.

«Твою ж направо! Что это вообще такое? Людям в Восточной Ограде заняться больше нечем? Они только и делают, что подслушивают под дверями у чиновников?»

[Это ты сам приказал. Ты требовал неустанно следить за каждым шагом любого сановника]

«...Кажется, я и впрямь больной на голову. Причём в тяжёлой форме»

Пролистав ещё несколько свитков и убедившись, что девять из десяти отчётов — это пустые доносы, основанные на слухах, Ле Тянь окончательно вышел из себя. Он вызвал подчинённого и с ледяным лицом швырнул бумаги на пол. — Кто это писал?

Вошедший почтительно доложил: — Ваше Тысячелетие, это донесения Хань Ци, недавно назначенного сотника Цзиньивэй.

Ле Тянь замер.

«Цзиньивэй?» — уточнил он у Системы.

[Гвардия в парчовых одеждах работает на Восточную Ограду] — нехотя пояснила та.

«Они ведь не евнухи, верно?» — допытывался юноша.

[...Нет]

Человек, стоявший перед Девятитысячелетним, обливался холодным потом от долгого молчания господина. Он мысленно проклинал Хань Ци на чём свет стоит: что же этот выскочка умудрился написать такого, что привело правителя в ярость?

— Призовите его.

Услышав приказ, слуга с облегчением испарился, точно получил прощение за все грехи.

Спустя мгновение явился Хань Ци.

Юноша отодвинул занавес и вошёл. Он был статен и высок — его круглая шапка едва не задевала притолоку. На нём было ярко-красное, расшитое золотом облачение летучей рыбы, а на поясе висела сабля «Вышитая весна». Черты его мужественного лица казались выточенными из камня. Пав на колени, он громко и чётко произнёс: — Хань Ци, сотник Гвардии в парчовых одеждах, приветствует Ваше Тысячелетие!

Ле Тянь опешил.

«Брат, да ты просто красавчик!»

Ему внезапно расхотелось умирать.

[...] — Система поняла, что совершила оплошность.

Внутри Ле Тянь буквально исходил слюной, но внешне оставался холодным, как лёд. — Взгляни на эти отчёты. Твоя рука?

Сотник поднял свитки, бегло просмотрел их и, сложив руки в приветствии, ответил: — Так точно, Ваше Тысячелетие.

— Подними голову.

«Дай-ка мне получше рассмотреть это великолепное лицо»

Хань Ци поднял взор, встретившись глазами с Ле Тянем. Пока тот изучал его, гвардеец, в свою очередь, разглядывал всесильного временщика.

Тот самый Девятитысячелетний, чья жестокость и коварство стали легендой, оказался поразительно красив. Мертвенная бледность лица не имела и тени румянца, но в изгибе глаз таилось нечто порочное, почти соблазнительное. Сотник бросил лишь один взгляд и тут же опустил веки.

Неудивительно, что ходили слухи, будто Линь Ле Тянь проложил путь к власти через постель императора.

Хань Ци отвёл взгляд с суровым выражением лица, а Ле Тянь тем временем предавался мечтам.

«Почему он не смотрит на меня? Неужели он так потрясён моей красотой?»

[Ты его прямой начальник. Думаешь, он посмеет пялиться на тебя?]

Ле Тянь парил в облаках.

«Я ведь так прекрасен. Вдруг он влюбится в меня с первого взгляда?»

[Не забывай, что ты — евнух] — окатила его холодным душем Система.

Юноша мгновенно рухнул с небес на землю. Он потянулся к чашке, желая глотнуть чаю и успокоиться, и нарочито небрежно велел: — Налей.

Хань Ци поднялся, подошёл и наполнил чашу горячим настоем. Принимая её, Ле Тянь намеренно коснулся пальцами руки воина. От этого мимолётного контакта сотник мгновенно отдёргнул руку и замер в стороне, опустив голову.

Ле Тянь отхлебнул чаю и бесстрастно произнёс: — Меньше внимания уделяй этой чепухе в отчётах. Занимайся делом.

— Слушаюсь. Благодарю за наставление, — Хань Ци внешне выказывал покорность, но Ле Тянь чутко уловил, что этот человек далеко не так почиттелен, как хочет казаться.

«Такой крутой и красивый... Если бы я мог с ним перепихнуться, я бы и умереть был не против»

[Кхм-кхм! Евнух! Ты — евнух! Помни о роли!] — не выдержала Система.

Линь Ле Тянь шёл по головам ради власти именно для того, чтобы ни перед кем не склоняться. Из-за своего физического изъяна он вырос закомплексованным и жестоким существом,

находящим удовольствие лишь в мучении детей. Он никак не мог заинтересоваться взрослым мужчиной.

Согласно роли Линь Ле Тяня, он должен был ненавидеть таких рослых и статных красавцев, как Хань Ци.

Юноша с великим трудом отвёл взгляд от сотника и холодно бросил: — Служи исправно в Восточной Ограде. Ступай.

— Слушаюсь.

Хань Ци отодвинул занавес и вышел, скрывая за плотной тканью свою статную фигуру.

«Ох... Хань Ци, ты просто чертовски хорош!»

Ле Тянь готов был биться головой о стол от досады.

Пояс облачения летучей рыбы так выгодно подчёркивал широкие плечи и узкую талию гвардейца — идеальный мужской силуэт. Когда он стоял рядом, наливая чай, в нём было не меньше ста девяноста сантиметров роста. А пальцы... какие у него были длинные и сильные пальцы! Юноша в ярости ударил по столу. Проклятье, как же хочется потрогать! У Хань Ци наверняка стальной пресс!

Если бы он приказал сотнику раздеться и позволить себя ощупать, тот бы, бесспорно, подчинился. Но Ле Тянь не мог найти ни единого оправдания для подобного поступка — это бы мгновенно разрушило его образ.

Система, глядя на его страдания, буквально расцвела от радости. Наконец-то и Ле Тянь почувствовал вкус горечи.

Промаявшись в кресле ещё какое-то время, Ле Тянь обречённо смирился.

«Ладно. Пусть я буду тем самым недостижимым красавцем, о котором все мечтают, но не смеют коснуться. Моя проклятая красота обрекает меня на одиночество до конца моих дней»

[Звучит как отличный финал] — поддакнула Система.

***

Хань Ци вышел из здания, сжимая в руке те самые свитки. Дойдя до поворота, где стояла жаровня с углями, он небрежно бросил их в огонь. Его лицо оставалось пугающе бесстрастным.

Скопцы губят страну.

<http://bllate.org/book/15325/1411612>